

История публицистики. Риторика

УДК 821(470)-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

Функция этногенетического дискурса в поэме «Руслан и Людмила»

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется публицистический компонент поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Имеется в виду этногенетический дискурс, который был актуален в российском обществе XVII–XVIII вв. Одним из каналов передачи этногенетического дискурса стал жанр «русского волшебного романа» (М.Д. Чулков и др.), с которым связана поэма «Руслан и Людмила». Пушкин заимствовал из нее образцы имени протагониста и превратил «Еруслана» / «Роксолана» в «Руслана». Однако в поэме Пушкина этногенетический дискурс подчинен не публицистической, а чисто художественной установке.

Ключевые слова: этногенетический дискурс, А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила», «русский волшебный роман», М.Д. Чулков, имя Руслан

Для цитирования: Одесский М.П. Функция этногенетического дискурса в поэме «Руслан и Людмила» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 14–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

The function of ethnogenetic discourse in the poem “Ruslan and Lyudmila”

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the ideological component of A. Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila”. It refers to the ethnogenetic discourse, which was relevant in Russian society of the 17th – 18th centuries. One of the channels for transmission of ethnogenetic discourse became the genre of the “Russian

© Одесский М.П., 2024

magic novel” (M. Chulkov etc.), with which the poem “Ruslan and Lyudmila” is associated. Pushkin borrowed from it samples of the protagonist’s name and turned “Yeruslan”/“Roksolan” into “Ruslan”. However, in Pushkin’s poem, the ethnogenetic discourse is subordinated not to a ideological, but to a purely artistic setting.

Keywords: ethnogenetic discourse, A. Pushkin, “Ruslan and Lyudmila”, “Russian magic novel”, M. Chulkov, “Ruslan” (name)

For citation: Odesskii, M.P. (2024), “The function of ethnogenetic discourse in the poem ‘Ruslan and Lyudmila’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, pp. 14–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

Поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» не принято рассматривать в традиционно публицистическом контексте. Ее доминирующая установка – преимущественно художественно-игровая. По определению еще П.В. Анненкова – основателя пушкинистики, «сам автор как будто шутит над сказочными мотивами, которые употребляет в дело, над собственными приемами и образами»¹. Тем не менее эта установка подразумевала не столько отсутствие публицистических элементов, сколько их подчинение общей системе игрового характера. В частности, достаточно очевидно присутствие в «Руслане и Людмиле» этногенетического дискурса. Соответственно, задача данной статьи – изучение специфики его функционирования в пушкинской поэме.

* * *

Как известно, на XVII и XVIII вв. приходится формирование ментальных парадигм, которые станут актуальными в Новой России. В том числе эти столетия характеризуются интересом к этногенетическим конструкциям. Основными каналами их распространения можно считать своеобразные исторические сочинения, в свою очередь, разделявшиеся на две группы. К первой относятся официальные компиляции, исторически связанные с Киевом (после его включения в сферу влияния Москвы) и Речью Посполитой (знаменитый печатный «Синописис» 1674 г., приписываемый архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю и начинающий повествование от Иафета, его сына Мосоха и т. д.),

¹ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / общ. ред. и вступ. ст. Г.М. Фридляндера. М.: Современник, 1984. С. 83.

ко второй – оригинальные тексты, которые позднее часто квалифицировались как «баснословные» («Сказание о Словене и Русе», где фигурируют правнуки Иафета Скиф и Зардан, затем правнуки Скифа Славен и Рус и т. д.) [Ромодановская 1994, с. 64–83]. Этногенетические сочинения были призваны – в условиях «после Смуты» – ответить на вопросы идентичности и носили открыто публицистический характер.

Разумеется, поэму «Руслан и Людмила» некорректно относить к собственно этногенетическим сочинениям, но специалистами давно установлено, что ее славянский колорит и сюжетику восходят к «русскому волшебному роману» второй половины XVIII в. (по терминологии В.В. Сиповского)², а этот популярный жанр отечественной прозы был значим в перспективе как развлекательной литературы, так и этногенетического мифа. Его персонажи – *свои*, древние русы и славяне, и читатель воспринимал «волшебный роман» как невымышленное повествование. К примеру, роман М.И. Попова, в первом издании (1770–1771) называвшийся «Славянские древности», при переиздании (1778) получил новое заглавие – «Старинные диковинки», т. е. исчезли и «славянские», и «древности»; автор, объясняя исправление, попытался уточнить жанровую специфику «русских волшебных романов»: оказывается, первые читатели книги «чаяли в ней повсюду важные исторические известия о наших древностях, вместо коих присутствуют здесь не столь описания достопамятных, подкрепленных летописанием событий, сколько украшенные авторской фантазией и вымыслом повествования о характерах, нравах людей самых обычных, хоть и живших в такие древние времена, о коих самая древнейшая из наших летописей умалчивает»³.

Основной источник сведений авторов «русского волшебного романа» – «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1766) М.В. Ломоносова, авторитетно сплавившего «Повесть временных лет», хроники Речи Посполитой, западные компендиумы – с «басновловными» историями. Попов писал в своей книге о славянской мифологии: «...материя, составляющая сию книгу, выбрана мною из славено-российского древнего летописца, из Российской истории покойного господина Ломоносова, из историографии о начале происхождения Славенского народа г. Мав-

² Цит. по: Сиповский В.В. Пушкин: Жизнь и творчество. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2017. С. 391–416.

³ Старинные диковинки: Волшебно-богатырские повести XVIII в. / сост. Ю.М. Медведев. М., 1992. С. 309.

роурбина Архимандрита Рагужского, из некоторых рукописных Российских летописцев...»⁴.

Почин в деле создания «волшебного романа» принадлежал М.Д. Чулкову, который в 1766–1768 гг. выпустил четыре выпуска романа «Пересмешник, или Славенские сказки» (последний пятый выпуск – в 1789 г.). «Пересмешник» включает бытовую и рыцарскую линии. Рыцарская разворачивается как похождения славянского героя Силослава.

Богатырь Силослав – сын повелителя Винеты: «Во времена древних наших князей, до времен еще великого Кия, на том месте, где ныне Санкт-Петербург, был великолепный, славный и многолюдный город именем Винета...»⁵. Силослав влюбляется в Прелепу – дочь повелителя «многонародного города», что «стоит на берегу Варяжского моря к полуденной стороне от Винеты»⁶. В своих странствиях он встречается несчастного старца по имени Славурон, родом из города Рус: «Сей город стоял на берегу озера Ильменя, при устьях рек Ловати и Палы, которое место ныне называется Старая Русь. Он был весьма крепок и сооружен из дикого камня; одну сторону окружало озеро, а еще другие два – объявленные реки»⁷. Славурон рассказывает Силославу свою историю. В юности он оказался в Константинополе, где стал, в частности, свидетелем казни своего отца-славянина: «Отец мой, будучи верным сыном отечества, пожелал лучше лишиться жизни, нежели поднять оружие противу своих однородцев, и так умер с прочими, последовавшими в том ему»⁸. После чудесных происшествий Славурон вернулся на родину – в город Рус и стал полководцем «государя русского»⁹, однако потерпел в битве с врагами поражение и скрылся в пещере. Пока Силослав выслу-

⁴ Попов М. Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей. СПб., 1768. С. 10–11. Вместе с Ломоносовым Попов упоминает трактат дубровницкого автора Мавро Орбини «Славянское царство» (в котором суммировались древнейшие упоминания о славянах, в том числе этногенетические легенды, и который был переведен на русский в 1722 г. по повелению Петра I), а также «рукописные Российские летописцы», т. е. – кроме «Повести временных лет» – «баснословные» исторические тексты.

⁵ Старинные диловинки: Волшебнo-богатырские повести XVIII в. С. 11.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 79.

шивал историю Славурона, выяснилось, что на город Рус напал страшный «кочующий в непроходимых горах Валдайских»¹⁰ кентавр-богатырь Полкан (персонаж из переводной «Повести о Бове Королевиче»). Положение горожан – отчаянное: «Новгородский двор дать нам помощи не в силах потому, что Новгород осажден от разбойника, называемого Волхв (в «Сказании о Словене и Русе» чародей, старший сын Словена. – М. О.), и так сам защищать себя едва может, а не только нам помогать»¹¹. Тогда богатырь Силослав поражает недругов; роман не окончен.

В числе приключений Силослава – встреча с живой головой, лежащей на поле брани рядом с собственным телом. Голова открывает герою свое имя – Роксолан¹², правитель государства, захваченного коварным волшебником. Силослав помогает Роксолану.

Образ «живой головы» заимствован Чулковым из переводной «Повести о Еруслане Лазаревиче»¹³. Она с 40-х гг. XVII в. бытовала как авантюрная повесть. Но нюансы ее восприятия позволяют гипотетически считать «Повесть» – подобно позднему волшебному роману – не простым развлечением, а текстом, который какое-то время функционировал в качестве особого канала этногенетических конструкций.

Действительно, в русской повести богатырь, генетически связанный с иранским Рустамом, получил «национально» окрашенное имя Уруслан/Еруслан, а голова – согласно распространенной «полной сказочной редакции» XVII в. – имя Росланей [Пушкарёв 1980, с. 33–37]. Закономерно: когда в 1640-х гг. стольник Иван Бегичев, а спустя сто лет А.Д. Кантемир (письмо «К стихам своим») и А.П. Сумароков («Епистола о русском языке») презрительно отзывались о низовом чтении, они поминали не «Повесть о Еруслане», а «Бову Королевича».

Во второй половине XVIII в. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» все же переместилась в область низовой словесности. Чулков в 1769 г. (журнал «И то, и сё», «Повесть о Нетоне») социально уравнивал ее с Бовой – среди «историй, которые продаются на рынке, как-то например: Бову Королевича, Петра Златых ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине о Гереоне о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Размере, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве о Барбосе-разбойнике, и прочие весьма

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Сиповский В.В. Пушкин: Жизнь и творчество. С. 405–407; см. также [Пушкарёв 1980, с. 83–85].

полезные истории»¹⁴. Одновременно это никак не мешало автору «Пересмешника» превращать Росланея в Роксолана, что есть очевидная этногенетическая аллюзия на роксоланов, предков славян из «Синописа» или истории Ломоносова.

Историософский статус этногенетических конструкций окончательно переменялся с выходом «Истории государства Российского» (1818). Н.М. Карамзин, переориентировав науку на подлинные летописи, дезавуировал «баснословия». В статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» (альманах «Северные цветы» на 1828 г.) Пушкин защищал это новаторство: он негативно отождествил предъявляемое Карамзину требование поместить «какую-нибудь блестящую гипотезу о происхождении славян» с требованием «от историка не истории, а чего-то другого»¹⁵.

Тогда получается, что Пушкин хотя использует и Чулкова, и варианты «Еруслана Лазаревича», однако переносит действие поэмы в былинный Киев князя Владимира, лишает имени побежденную «живую голову», а победителю возвращает имя из «Повести», но с многозначительной коррективой. Монтаж имен – типа Еруслан, Рус, Роксолан – логично дает новое имя Руслан. Оно напоминает очередной этноним, и в Песне V автор даже выявляет его внутреннюю форму: «И силе русской изумясь, // Волшебник гордому Руслану // Коварно молвит...»¹⁶.

Современники осознавали жанровую традицию такого рода манипуляций. В критическом отзыве о поэме А.Г. Глаголев (кстати, компетентный в фольклористике) прямо возмущался «нашими словесниками», в стихотворениях которых «заблестали Ерусланы и Бовы»: «Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? <...> неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей “Людмила и Руслан” (не Еруслан ли?)»¹⁷. Но ведь и Пушкин едва

¹⁴ Лекарство от задумчивости, или Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова / вступ. ст., коммент., сост. М. Плюхановой. М.: Книга, 1989. С. 227. Впрочем, на историю Бовы Королевича все равно «бывает больше походу, нежели на другие такие драматичные сочинения» (Там же).

¹⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57.

¹⁶ Там же. Т. 4: Поэмы, 1817–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 62.

¹⁷ Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / под общ. ред. В.Э. Вацура, С.А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 1996. С. 27.

ли серьезно относился к этногенетической функции «Руслана». Действительно, семантический потенциал имени Руслан должен был лишь подсказать читателю волшебной поэмы, что носитель славного этнонима – центральный персонаж и герой во всех смыслах. Так что, в отличие от будетлянина В.В. Хлебникова, в статье 1913 г. «О расширении пределов русской словесности» назвавшего «Руслана и Людмилу» «главой» «русской Библии»¹⁸, у Пушкина функция имени Руслан – художественная.

В томах Карамзина, кроме того, присутствует – вместе с Рахдаем/Рогдаем и Фарлафом – имя Ратмира: «Ратмир, верный слуга Князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших»¹⁹.

Ратмир являлся еще в «Житии Александра Невского» XIII в. – в качестве участника Невской битвы, поэтому неудивительно, что его имя актуализировалось до Карамзина и актуализировалось в новгородском контексте. М.М. Херасков в стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) – она включает посвящение Павлу I и восхваляет институт монархии – выставил Ратмира антагонистом Рюрика: «второй Кориолан», он учреждает в Новгороде народовластие, напоминающее революционную Францию. В финале Ратмир побежден призванным на царство Рюриком и закаляется, оставшись верным, но не народовластием, а сатанинской гордыни и злодейству. Херасков наделяет персонажей стихотворной повести – кроме Рюрика и Гостомысла – невероятными именами Изнар, Конар и т. п., но имя Ратмир явно на своем месте в тексте, имеющем отношение к древнему Новгороду.

В исторической повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) Карамзина функция имени Ратмир почти та же, но с другим знаком. Автор прежде всего подчеркнул в примечании: «В Новеграде было еще обыкновение называться древними славянскими именами. Так, например, летописи сохранили нам имя Ратьмира (так! – М. О.), одного из товарищей Александра Невского»²⁰. В «Марфе-Посаднице» отшельник Феодосий вручает военачальнику, противостоящему московскому князю, легендарный булатный меч Ратьмира (объявленного предком бояр Борецких,

¹⁸ Хлебников В.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент. Е.Р. Аронзона, Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 66.

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4 / подгот. текста В.Ю. Афиани, В.М. Живова, В.П. Козлова. М.: Наука, 1992. С. 19.

²⁰ Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. / сост., коммент. Г.П. Макогоненко. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 556.

семьи Марфы-Посадницы), на котором изображены слова «Никогда врагу не достанется», а позднее военачальник, разбитый и смертельно раненный, сохранил честь новгородцев, бросив «меч свой в быстрые воды» реки²¹.

На этом фоне автор «Руслана и Людмилы» затеял в русской литературе своего рода войну за наследство Ратмира. Дело в том, что Пушкину Ратмир оказался чуть ли не родственником. Согласно фамильным сведениям, «первоначальным предком» Пушкиных был Ратша (Рача), который «выехал из немец» при Александре Невском²². Вместе с тем в поколенной росписи исторически законное место участника Невской битвы занял правнук Ратши – Гаврила Алексич, представленный доблестным воином и в «Житии Александра Невского» [Веселовский 1990, с. 9–10, 21–22].

В итоге Пушкин практикует – несколько раз! – словно бы синтезирование предков: в позднейшем стихотворении «Моя родословная» (1830) он изобразил предком–невским героем не Гаврилу Алексича, а «Рачу благородного». Аналогично, в «Руслане и Людмиле» – вполне в духе фантазий, свойственных генеалогиям – он выделил Ратмира, прославленного Карамзиным, ведь Ратша/Рача – вариант имени Ратмир.

Генеалогические схождения подкрепляются в «Руслане и Людмиле» сюжетом: теперь имя Ратмир не «древнее славянское», его носит хазарский хан (не намек ли на негра-Пушкина?); Ратмир – храбрец, но отнюдь не хранитель древней вольности, а любовник, который вначале пленен Людмилой, потом попадает в двусмысленное общество двенадцати дев и, наконец, обретает скромное счастье с пастушкой. По воле автора носителю этногенетического имени Руслан выпадает доблестно спасти Киев и получить дочь князя Владимира, а Ратмиру – непритязательная хижина и пастушеская любовь.

Итак, сюжетная биография вместе с генеалогией превращают Ратмира в авторского двойника. Притом архитектурно Ратмир соположен и противопоставлен Руслану – примерно так же, как потом в «Кавказском пленнике» русские генералы из эпилога соположены и противопоставлены байроническому «пленнику», погруженному в собственные переживания. Более того, сходная конструкция – при всех модификациях – прослеживается и в вершинных произведениях Пушкина, вплоть до «Медного Всадника». Однако в любом случае этногенетические конструкции в «Руслане

²¹ Там же. С. 571.

²² Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии: 1799–1829 / сост. В.П. Старк. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 22.

и Людмиле» не столько публицистическая составляющая (как в «русском волшебном романе»), сколько элемент художественной системы, основанной на легком диалоге с источниками.

Литература

- Веселовский 1990 – *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М.: Наука, 1990. 336 с.
- Пушкарев 1980 – *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 183 с.
- Ромодановская 1994 – *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.

References

- Pushkarev, L.N. (1980), *Skazka o Eruslane Lazareviche* [The tale of Yeruslan Lazarevich], Nauka, Moscow, USSR.
- Romodanovskaya, E.K. (1994), *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni* [Russian literature on the threshold of a new age. Ways of forming Russian fiction of the transition period], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Veselovskii, S.B. (1990), *Rod i predki A.S. Pushkina v istorii* [The family and ancestors of A.S. Pushkin in history], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru